

Юрий Михайлов

Полина

Юрий Михайлов

Полина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21161491
ISBN 9785448318115*

Аннотация

Больше Полине падать некуда: редактор со скандинавскими языками, в своё время лучший переводчик «Русалочки» Андерсена, она торгует бытовой химией и парфюмерией. Но её увольняют и из этой частной фирмы. В знак протеста Полина объявляет сидячую забастовку прямо в дверях офиса. Выброшенную на улицу охраной, её случайно подбирают журналисты местного телеканала. Будем вести войну без правил, решают на ТВ...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	31
Глава пятая	41
Глава шестая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Полина

Юрий Михайлов

© Юрий Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-1811-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Как и сто лет назад трется колесами о рельсы первый утренний трамвай, уходящий за пожарную каланчу на разворот. По проспекту рядом идут поливальные машины. К церкви, похожей остроконечными куполами на католическую, потянулись люди... «Только рассвело, а народу – полный город», – думает Полина, стоя у кухонного окна.

Жизнь течет, как и раньше, много лет назад, когда они с мужем получили эту двухкомнатную квартиру на шестом этаже престижного дома. Разница лишь в том, что каланча стала «исторической», к ней теперь возят на экскурсию не доспавших на вокзалах пассажиров. Да рядом с ее домом воздвигли непонятное сооружение гигантских размеров: то ли в небо устремилась подраненная хищная птица, не сумевшая взлететь даже на сотню метров, то ли коршун, рухнув с высоты, решил разбиться на площади у метро.

А главное – погиб ее муж... На автомобиле.

...20 лет прошло, а Полина до сих пор не может спать по ночам. Во сне ей кажется, что мелодично звенят пружины каркасного матраса, и что муж, как всегда, осторожно, чтобы не дай Бог, не разбудить ее, встает с постели... Он рано просыпался: то ли потому, что был старше ее почти на 10 лет, то ли ему нравилось в утренней тишине читать свои финансовые бумаги...

Павел, так звали мужа, был красавцем, девчонки-подрологи Полины называли его гоголевским Ноздревым. Он невероятно был похож на актера МХАТ, исполнявшего эту роль в известном фильме. Только в отличие от курчавого кинематографического героя его никто, ни разу не видели не только пьяным, даже выпивши.

Для всех коллег по работе – загадка: почему он до сих пор не женат? 30 с гаком, живет с мамой, добросовестно отдает ей зарплату. Он очень любил участвовать в дискуссиях журнала «Бухгалтер». Потом журнал со своей заметкой показывал близким знакомым: друзей у него не было. Он никогда не повышал голоса, любил рано приезжать на работу. Поэтому с Полиной происходил вечный спор, который разрешился не в ее пользу: после рождения первой дочери – Галины она взяла отпуск по уходу за ребенком.

...Полина, мало-помалу, привыкла, что мужа нет (ужас, целую жизнь прожила – одна!). К тому же, вряд ли теперь она уже вспомнит: целовал ли он ее спящую, уходя на работу по субботам? Но все эти годы после его гибели бессменным оставалось одно: спала она урывками, все время ожидая перезвона мятежных пружин на матрасе...

Вечерами – проще: в своей комнате укладывались дочери – Галина и Любовь. Всегда с шумом, иногда со слезами, с походом в мамину комнату, чтобы полежать у нее в кровати, послушать рассказы «про жизнь». Потом в доме все затихало, лишь бормотал ночной телевизор: Полина чита-

ла. Но она четко помнила, не должна переходить временную границу – до полуночи. Иначе – без сна: и с вечера, и утром.

Она еще не встает, лишь стоит в легком халатике у кухонного окна и думает о том, что пошел уже пятый день ее шестого десятилетия, что Галина, которой под 30 и которая выросла без отца, встанет опять лишь к обеду, даже не проведив своего очередного мужа на работу. Любаша, которая и вовсе не помнила отца, перебралась в мамину комнату. Ее сегодня надо собрать в первую трудовую смену на Центральное телевидение... Ей, наверное, повезло: от журфака она единственная из сегодняшнего выпуска девочка, попавшая на ТВ не через знакомых.

Полина разогревает в турке старый недопитый кофе, переливает его в чашку и без удовольствия выпивает прямо над плитой. Затем идет в постель. Одеяло не сохранило тепло, хотя рядом с ней на постели свернулась калачиком Любаша. «Что ж, согреем снова...», – говорит она сама себе, поднимает подушки вертикально и нажимает на кнопку пульта телевизора. „Евронуюз“ что ли?» – Думает она, почти не глядя на экран, откладывает пульт, надевает легкие очки и открывает книгу венценосного Жозе Сарاماго.

Неошутимый на вес гусиный пух, которым набито одеяло (мамино приданое), облегает ее тело, она вытягивает ноги, и вдруг чувствует прилив сильной горячей волны. Из груди невольно вырывается легкий стон. «Господи, за что ты меня так наказал? Я не страшнее, грешница, чем миллионы дру-

гих...». Она лежит, стараясь не думать о плотском. «Нет-нет-нет, так нельзя... Прости меня, Господи, за грехи мои. Я ничего не прошу за себя. Помоги в жизни моим дочерям-сиротам, научи их правильно жить, дай им хоть капельку счастья... Хотя бы такого, которое я пережила в годы короткого замужества... Галине – под 30 и все еще без мужа, без семьи. Любовь – собирается работать... И тоже без семьи».

Павел – отец девочек – был главным бухгалтером крупнейшего информационного агентства. Его уважали на работе, прислушивались к его мнению. Полина – скромный редактор скандинавской редакции. Как они нашли друг друга – это просто загадка во времени и в пространстве... Поженились довольно быстро – и полвесны не прошло со дня их первого знакомства на закрытом показе фильма – «Бумажная луна». К осени сдавали «целевой дом», и Павлу, как молодому семьянину и члену Правления агентства, дали квартиру, двухкомнатную, «на вырост». Да и Полина всё-таки своя, не чужая: хороший редактор ценился на вес золота. А она была отличным редактором.

Купили машину. По тем временам «Волга» говорила о достатке в семье намного больше, чем дачный домик или новый гарнитур из Румынии на три комнаты. Квартиру обставили мебелью быстро, легко, в мире и согласии. Половину площади занимали книги: шкафы, полки напольные и навесные, этажерка и даже полстенки пришлось отдать им. Павел, как скупой рыцарь, хранил все подшивки финансовых книг

и журналов за последние 10 лет. Полина тоже не уступала мужу: привезла от родителей из деревни номера дореволюционной «Нивы», все книги мыслителей, запрещенные в то время, словари и справочники, необходимые ей в редакторской работе. Не любила она ходить по библиотекам или звонить подругам, когда выпадала срочная работа по вечерам.

«Что еще было за жизнь? – Невольно стала в сотни тысяч раз вспоминать Полина. – Конечно, рождение Галки. Это вам не Любаша: человек изнеженный, избалованный и папочкой, и мамой. Да и баба с дедом еще могли приласкать ее на своем деревенском огороде». А мама Павла принципиально любила на расстоянии: вечерний звонок стал неотъемлемой частью жизни Полины. Сначала бодрый бас спрашивал о самочувствии Павлика, его настроении, успехах на работе, а уже потом шли практические советы по уходу за ребенком. В общем, Галина к трем годам стала настолько избалованным, дерганым и капризным ребенком, что, по совету мамы из деревни, Полина сдала ее в садик и вышла на работу. Павел не возражал: хотя смертельный бой пришлось выдержать ему со своей же матерью.

Полина знала, что сегодня, впрочем, как и всегда, она уже больше не уснет и стала вспоминать прожитые годы...

Слава Богу, все улеглось, утряслось, а главное, Галине, очень общительной девочке, понравилось в садике. Она даже домой уходила со слезами. Ездили за границу, в Болгарию, всей семьей на отдых. Галя вела себя идеально: купалась, за-

горала, завела кучу друзей, приходилось через день накрывать стол на 5—7 человек. Это она принимала гостей с мороженое и соком. Вот тогда впервые Павел сказал Полине, что неплохо бы подумать о парне. Та была не против, но месяц шел за месяцем, а беременность куда-то убежала. Полина думала, что это ее «проблемы». Но Павел съездил, то ли в Чехию, то ли в Югославию, и, вернувшись, сказал, что это его «проблемы».

«Галина уже училась во втором классе, – вспоминает Полина, – мы – родители забыли о давней мечте... И, бах, беременность! Радостная, легкая. Все думали, что будет парень, а получился „парень в юбке“ – Любка».

Это были тяжкие для Полины годы. Любовь вела себя далеко не так, как ее сестра: ела хорошо, спала плохо, любила родительские руки, играть могла с кем угодно, часами. Но с ней надо было играть: говорить, прятаться, убежать... В общем, живой, интересный, на первый взгляд, ребенок. Но если сложить все эти «тетюшеньки» в недели и месяцы, руки отваливались...

А Павел взялся строить дачу, хорошо, что «Волга» всегда на ходу. Он приделал к ней верхний багажник и возил на нем даже чугунные батареи. На второе лето в доме уже была горячая-холодная вода, минибаня, детская туалетная комната и четыре разношерстные комнаты, в том числе, и с камином. Вот так умеют разворачиваться «безрукие финансисты».

Полина обожала мужа всегда. А когда в воскресенье он

приезжал со стройки потный да усталый, она, как своего ребенка, мыла его в ванной, кормила и спать укладывала. Просыпался он ночью, когда уже девочки в своей комнате видели пятые сны. Осторожно гладил жену: груди, живот, ноги, и когда понимал, что она уже не спит, начинал говорить, как он ее любит.

Полина шептала:

– Я тоже безумно люблю тебя. Я не смогу жить без тебя...

Павел понимал, наконец, что время уходит... И в такие минуты он был великолепен.

...Любаша все делала шиворот-навыворот. То вдруг экстерном сдавала сессию, то увязала в «хвостах» по элементарным предметам. Полина вспомнила вдруг, как была удостоена чести попасть на прием к престарелому декану факультета. Он не ругал ее за дочь. Он с грустью в голосе говорил, как трудно студентам без поддержки взрослых.

– Ее двойки меня не беспокоят..., – сказал тогда декан. – Здесь надо просто вызубрить, это – теория. Но ведь вы – профессиональный редактор и не занимаетесь с дочерью? Вот что с прискорбием я узнал...

«А как с ней заниматься? Она же на журфаке! Сами с усами! – Как будто продолжала оправдываться перед деканом Полина. – Пишут – лучше всех! Лескова, Тургенева – в утиль! Толстой заблудился в трех соснах своего имения... И это при том, что и Тургенева, и Лескова, и других ныне опальных классиков она читала и помнит их романы не ху-

же матери. Вот в чем проблема... А мы, родители, можем передать им только свои чувства и безмерную любовь. С нас и этого достаточно... А где государство, министерство, университет, наконец? Это все мы, вместе взятые, старшее поколение, растим циников, людей, не могущих любить, верить чувствам...».

Полина настолько разволновалась, что решила вставать и начать собирать младшую дочь на работу.

«Хотя она все равно возьмет лишь свой рюкзачок, куда невозможно ничего положить. Я припасу ей все: и одежду, и обувь. А там пусть думает сама... Надо денег подобрать на телефон, а то ведь звонков не дождешься. Сколько у меня сейчас осталось?» – Полина не могла вспомнить точную сумму, полезла в кошелек, достала пятерку с Дальневосточным губернатором, четыре штуки – по одной тысяче, несколько сотенных бумажек приютились во втором отделении кошелька. – «Господи, как жить? Я – на мели. Галина забыла, что такое зарплата... Любаша пока еще получает стипендию и всю отдает мне. Но сколько расходов на нее! И половины, наверное, своих кровных денег не покрывает. А тут еще этот чертов юбилей?! Кто придумал праздновать 50-летие женщинам? И этот чудовищный разговор с начальником отдела...».

Глава вторая

Она помнила дословно:

– Полина Степановна, надо что-то делать? Вы по профессии редактор – переводчик, а сидите на должности старшего специалиста – «девочки на побегушках»: закрываете больничные листы, занимаетесь подпиской на периодику всей конторе... У нас хозяйственный отдел, а не отдел рекламы, где вы были замначальника. Вот слышал я, что уже пришел человек, который будет снова создавать рекламу. Вам туда надо прорываться!

– А я что, просилась к вам? Я же не виновата, что ликвидировали пресс-службу, что этим делом сейчас занимается всего один человек – помощник директора... – Парировала Полина, чувствуя, что земля уходит из-под ног.

«Господи, как я вообще попала в эту контору?» – Не раз возвращалась к этой мысли Полина. Ее любимое агентство за последние пятнадцать лет раздербанили полностью и окончательно. И все под конъюнктуру политической целесообразности. Сначала любимец главы государства по кличке «второй стакан России», («первый стакан» – сам глава), как это ни парадоксально, журналист, решил агентство «усовершенствовать». Довел его до неузнаваемости, до безобразной ручки: угробили прекрасную ленту новостей, убили, иначе не скажешь, лучшее в стране издательство, кото-

рое выпускало книги на 6—7 основных языках мира. А зачем оно людям от демократии, захватившим власть в стране? Пусть всем правит рынок, частная собственность. Хочется тебе, к примеру, Дуня, Андерсена или Золя перевести на русский язык? Переводи. Потом ищи издателя и выпускай тираж книги, сама его вывози и предлагай розничной сети, то бишь магазинам...

От информационной ленты агентства остался ублюбочный перепев того, что уже сутки – двое назад выдавали мировые агентства Рейтер, Блумберг. Уничтожили собкоровскую сеть по стране. То есть официально ее не ликвидировали, но перестали платить зарплату корреспондентам, оплачивать стоимость съемных офисов, их коммунальные услуги. К руководству агентством пришли те, кто долго ждал своего часа: личного обогащения любым путем. Они разворовали и распродали все, что можно. Остались лишь гектары свободных площадей и этажи разномастных кабинетов в самой столице. Пошла субаренда, сдача в наем кабинетов другим организациям. В длиннющих коридорах разместились консалтинговые, бухгалтерские, фармацевтические, садоводческие, строительные, промышленные и масса других фирм, фирмочек, а также частных разномастных изданий. Мировое агентство рухнуло!

Полине даже не выплатили двухмесячное пособие в связи с ликвидацией их подразделения. Деньги перевели, увели, короче, они испарились. Она около полугода мыкалась

вообще без работы, перебиваясь с хлеба на воду. Потом ей повезло: давнишняя подруга из скандинавской редакции предложила ей работу редактора-корректора-распространителя (разносчицы) печатной продукции (рекламных буклетов) в одной парфюмерной фирме. Непонятно почему, но вскоре Полину даже назначили замначальника отдела рекламы. Но недостаток в семье был недолгим: фирма из-за ругани двух совладельцев – буквально уличных пацанов – разделилась, рекламное подразделение вообще ликвидировали.

На новом месте, куда Полину запрятали после ликвидации отдела рекламы, она практически перестала общаться с соседками по кабинету, представлявшему из себя огромную комнату, заставленную канцелярскими столами. Там было два городских телефона на столах двух начальников отделов. «Еще хорошо, что не выгнали в связи с ликвидацией подразделения, – думала Полина. – Куда бы я пошла в 50 лет, за пять лет до пенсии? В музей, сторожем-смотрителем в демонстрационный зал? Боже-Боже, за что мне все эти испытания...? И хорошо, что попала в хозяйственный отдел, а не в матснабжение: занималась бы сейчас приобретением швабр, мыла и другой напольной парфюмерии».

Полина, сидя за своим столом, выпускаемом по мини-ценам для серии «школьные принадлежности», без традиционного телефона, канцелярских атрибутов, до того разволновалась, что испугалась, как бы не перейти на разговор вслух. Последнее время она стала замечать, что разговаривает са-

ма с собой и что отдельные слова и даже фразы произносит достаточно громко. «Старческий маразм! – Горько шутила она. – Нет, мне просто не хватает разговорного общения».

...Она почему-то вспомнила шикарно меблированный собкоровский пункт в одной из стран на Балтике, куда ее направили работать собственным корреспондентом агентства через три года после смерти мужа. Она жутко сомневалась, почти отказалась от этого завирального предложения. Но помогли родители, и, как это невероятно ни прозвучит, первой оказала ей помощь мама Павла. Она взяла на себя Галину, все продумала, рассчитала: как они закончат школу, в какой вуз пойдут поступать, сколько денег понадобится девушке на ближайшие три года. А контракт у Полины и был рассчитан не на пять лет, как обычно, а на три года. Любочку взяла к себе сельская бабушка.

– А там посмотрим, – сказал бывший приятель Павла, главный редактор агентства. – Может, девчонки приедут к тебе, будут учиться с посольскими, в их школе... Да мало ли воды утечет за эти три года...

Полину водили по кабинетам ЦК партии, где обладатели казенных коробок-пеналов прислушивались к ее произношению, к языкам, которые она освоила в процессе работы, без конца спрашивали о детях. Она уже научилась отвечать, как робот – автомат: дети пристроены, бабушки еще не старые. А по большому счету, всем начальникам на стороне было, грубо говоря, до фонаря: они видели бланк Правления

агентства с решением направить ее на работу за границу, выписки из заседаний парткома и профкома с рекомендациями поддержать кандидатуру Полины, а все остальное проходило нудно, но почти автоматически.

Расцвет всех ее, и в первую очередь, творческих сил пришелся как раз на этот период жизни страны – сверхмощной ядерной державы. Что самое яркое? Первое, когда на центральном телевидении СССР в программе «Время» сказали: «как передает... из такой-то страны... собственный корреспондент агентства Полина Столетова...». У нее так забилося сердце, что она села на диван, ноги ее не держали.

Второе: наверное, когда на втором году ее работы к ней приехали дочери. Они стали жить все вместе. Почти год прожила с ними мама покойного мужа, которая говорила свободно на языке этой страны и, оказывается, знала еще французский, немецкий, итальянский...

Третье: тайный, короткий и бурный, роман, который случился с Полиной перед самым концом ее командировки. Она брала интервью у министра безопасности страны, генерала, который принимал ее на своей загородной вилле. Он был не один. Среди четырех-пяти гостей, которые ждали окончания записи интервью, разбредаясь по дому, купаясь в бассейне, смотря на кассетнике неприличные фильмы, она сразу обратила внимание на высокого англичанина. Уж больно пшеничными были у него волосы до плеч и обезоруживающая какая-то детская улыбка. Когда они познакомились по-

сле интервью, оказалось, что это – оператор английской гостелерадиокомпании ВВС – господин Рольф.

– А я сразу поняла, что вы – не англичанин, – сказала Полина.

– Да, я – швед, работаю на англичан, умираю со скуки... Если бы не было вас...

– Вы кого имеете ввиду? – Спросила Полина.

– Вас, ну, то есть СССР... Да еще скандинавские страны, родину...

– Вы и туда летаете?

– Непременно... Хотите, буду брать вас с собой? Вот норвежцы на морском шельфе открыли легкую нефть. Через день-два я, думаю, мне надо будет садиться в вертолет... По-летим?

– Мне надо все это утрясти...

– Дерзайте! У вас два дня в запасе.

В принципе, идею Полины, поскольку это месторождение было спорное относительно территории, в агентстве одобрили. Но вскоре пришел «довесок»: она должна дожидаться товарища из центра и тогда уже вместе с ним лететь на буровую вышку.

По неопытности, Полина сообщила Рольфу о товарище, которого она ждет из центра.

– О, кей, – сказал коллега из ВВС. – Вертолет на буровую улетает завтра, рано утром. Вы готовы? А коллеге из центра так и скажите: или я сейчас добираюсь до репортажа, или

для нас не будут специально устраивать бурение последних метров скважины.

Они улетели. На буровой платформе, видели первый агрессивный фонтан какой-то совсем не черной, а грязно-серой с бурой примесью жидкости. Полина сделала «убойный» репортаж. Рольф помог перегнать несколько кусков прямо в эфир радиостанции, вещающей для ее соотечественников.

Белые северные ночи стали свидетелями исполнения долга Полины перед коллегой, расплаты за помощь, за урок капиталистической журналистики, который ей преподали. Наконец, она впервые за много лет почувствовала себя женщиной, привлекательной для мужчины. Рольф был неутомим. Она даже уставала от него. Но, скорее, виной всему здесь был советский менталитет: страх перед заграницей не давал Полине возможности почувствовать себя счастливой в этой близости...

Когда она вернулась в корпунк, ей тут же позвонил главный редактор, сказал:

– Грехи за тобой есть, но об этом потом... У нас на Штокмановском месторождении, на Севере, тоже добурились до легкой нефти. Срочно готовь приличный кусок из репортажа с норвежской платформы. Мы соединим два репортажа: наш собкор с северной платформы будет перекликаться с тобой. Ты сможешь вести диалог?

– Не знаю, – уже заранее струсила Полина. – Я ни разу не пробовала...

– Ты, главное, не трусь, вопросы мы тебе передадим, нарежь кусков... Пусть у них все будет хорошо! Потому что у нас так хорошо, что все лопнут от зависти! Поняла, девушка?!

В итоге, как это ни странно, все получилось. Видимо, очень опытный и толковый попался репортер, который работал на нашей северной платформе. Он потом позвонил в корпунк, орал в трубку:

– Ты – молодец, Поинка! Живинку дала, я прямо живую норвежскую речь слышал, бурильщиков... Это они так матерятся, когда что-то не ладится... Как тебе-то удалось это перевернуть?

– Секрет фирмы, – отшутилась Полина, а сама вспомнила о Рольфе. Ей стало так плохо, что она заплакала. Но коллега был весельчаком и отнес эти всхлипывания женщины к чувству благодарности за его активную помощь ей.

Тем не менее, несмотря на такой успех, который имел ее репортаж в мировой энергетической сфере, контракт ей не продлили: туда полетел товарищ из центра. А она снова вернулась в скандинавскую редакцию агентства.

Глава третья

Полина была крепкой по природе женщиной, родилась в глубинке Нечерноземья, в селе, расположенном рядом с прибалтийскими соседями. Она привыкла к тяжелой работе, но, слава Богу, еще не успела угробить ноги и руки неподъемным трудом. На ее счастье, сразу после десятилетки поступила на инъяз местного пединститута. Там почему-то преподавали и шведский язык: он сохранился на кафедре инъяза после эвакуации вуза во время войны.

Она стала вести язык в спецклассе городской школы. Факультативно, где вместе с учениками, где в кружке любителей скандинавской литературы при областной библиотеке, выучила датский язык, чтобы в подлиннике прочитать «Русалочку». А потом уже пошло-поехало: сама вечерами и на курсах познала норвежский язык. За финский не бралась принципиально: с финнами воевал отец, получивший тяжелое ранение.

В издательство зарубежной литературы она попала случайно: шла по улице и вдруг на больших стеклянных дверях увидела объявление: «ЗАМЕЩЕНИЕ». А далее – короткий текст: кто-то из сотрудниц со скандинавскими языками уходил в декретный отпуск. Ее можно заместить, но только на это время. Чуть выше дверей висела огромная красивая вывеска издательства. Полина, прочитав ее, так испугалась,

что почти побежала от дверей. Но вернулась. Любит теперь говорить, что она «полы мыла для издательства. Как у Джека Лондона мексиканец мыл полы для революции». Шведский язык у нее сразу признали на «отлично». С остальными – твердое «хорошо»... А вот с редакторской работой пришлось помучиться... Тут, к счастью, роженица вдруг разбогатела – мужа повысили – решила взять отпуск по уходу за ребенком до трех лет. Вот так только к концу второго года работы Полину из «младшего редактора» перевели в «редакторы».

...С мужем Полина жила в любви и согласии, рожала с удовольствием детей, за что Господь наградил ее прекрасным телом: лишь на правой части живота остались две почти незаметных черточки – разрывы кожи. Ноги прямые и стройные, как по заказу, держали тугие бархатистые ягоды и всю верхнюю часть тела, которая вместе с нижней составляли рост Полины – 175 см. Руки средней полноты ровно лежали на бедра, подчеркивая выемками на локтях большие груди, но не безобразные своим размером: загнутыми кверху с коричневыми сосками они выглядели даже задиристо.

Страстью Полины были экскурсии по историческим и, главное, литературным местам. Павел, как правило, по субботам работал, а жена пускалась во все тяжкие. В Подмосковье практически нет музея или усадьбы, где бы она ни побывала. У них образовался особый круг завсегдаев, человек 5

—б дружили, созванивались, уточняли следующие маршруты поездок. Правда, в гости друг к другу пока еще не ходили. Детей, чаще всего, она брала с собой, реже – оставляла с мамой мужа.

Полина подружилась с научным сотрудником музея одного известного в прошлом писателя-революционера, Татьяной Ивановной, безупречным филологом, еще в войну девочкой вместе с родителями переехавшей в столицу из Ленинграда. Музей, ныне, по понятным причинам, прозябал, у Татьяны Ивановны была масса свободного времени и минимум средств к существованию. Полина старалась незаметно финансово поддерживать новую подругу.

Та знала все: где, когда открываются новые выставки, какие экспозиции обновятся или прибудут со старым багажом, как и откуда будут отходить экскурсионные автобусы. Для нее этот вопрос – принципиальный: пенсионеры минимум платили мосгортрансу за проезд. Но если транспорт музейный – это разорение...

Но выпадали неотложные дела, семейные проблемы и заботы, которые надолго отрывали Полину от любимого занятия и приятных знакомых. Пришла пора, когда дети выросли: Галина достаточно легко поступила на искусствоведческий факультет престижного вуза и закончила его с красным дипломом. А затем и Любовь удачно штурмовала журфак. Полина фактически осталась одна. Была память о муже, но годы сглаживали боль утраты. Хотя человека для совмест-

ной жизни ей встретить так и не удалось. По меркам Павла, которого она всегда помнила, практически никто не подходил. Да, честно говоря, Полине и не хотелось возиться с разговорами, встречами, свиданиями, длинными подходами: времени жалко, лучше новую книгу прочитать или в соседнюю область в музей – усадьбу Льва Толстого, например, съездить.

Только раз Татьяна Ивановна, как бы по случаю, невзначай, завела разговор:

– Полина, годы уходят... Я – не сваха, но, кажется, мы уже можем вести такие разговоры... В музее одного советского классика работает мой земляк-ленинградец Зиновий Моисеевич Кац, доктор наук, интеллигент... Да, – Татьяна Ивановна почему-то надолго задумалась. Будто она что-то вспомнила и вот теперь решала: стоит ли продолжать разговор. Все-таки продолжила:

– Он – вдовец, ему уже за 50, сына, у которого своя семья, сейчас с ним нет... Хорошая квартира у него, даже дачный домик купил с участком земли. Я понимаю, Поля, вы моложе его, у вас все есть, любимая работа... Но, видите, какие времена настали. Мне кажется, что мы теряем не только родину... Нужны опора, друг, советчик, с одной стороны. С другой, – он Зиновий и по фамилии Кац... Будет ли он опорой? История безжалостна: евреи, как правило, почти все революции начинали, но, в конечном итоге, становились козлами отпущения. Представляете, что с вами может случиться?

– Он знает обо мне, Татьяна Ивановна? – Спросила Полина.

– Нет, конечно! За кого вы меня принимаете? Господи, как все это нелепо и глупо выглядит... Простите, меня, Полина, и давайте закроем эту неприятную тему.

И все-таки они с Кацем встретились. Случайно, а, может, и нет. На ВДНХ шла распродажа саженцев. Они с Татьяной Ивановной решили объединиться: многие кусты оказывались настолько густыми, что их приходилось раздирать. Из одного, таким образом, получалось два кустика, а то и три. Взглянув на дорожку, ведущую к павильону «Семена», Татьяна Ивановна настолько смутилась, что даже покраснела, не могла скрыть волнения:

– Ой, Полина, простите, я тут ни при чем... Но прямо на нас идет Зиновий Моисеевич Кац...

Действительно, улыбаясь, как говорят, во весь рот, к ним подходил высокий, более, чем плотный, о чем говорили растянутый плащ и прилично выпячивающий из-под него животик, прикрытый полосатой теплой в полоску рубашкой без последней пуговицы, мужчина.

– Татьяна Иванна, а я, думаю, вы или нет? Вот встреча! Вы – садовод, огородник? У вас же нет дачи?

– А я детей хочу ублажить... Они давно акацию искали, чтобы посадить к забору..., – засмуцавшись и еще раз покраснев, ответила Татьяна Ивановна. – Вот познакомьтесь, Зиновий Моисеевич, это моя подруга по походам и поездкам

Полина... Можно вас без отчества, вы еще совсем молодая особа?

– Можно, – сказала Полина и почему-то протянула незнакомцу руку. Он растерялся, не знал, куда положить или поставить свои пока еще не уложенные и несвязанные веревкой кусты смородины. Наконец, бросил их прямо на землю и поцеловал Полине руку, проговорил:

– Очень рад, рад знакомству с подругой моей землячки, интеллигентнейшим человеком, специалистом с большой буквы Татьяной Ивановной. Вы, знаете, не проходит месяца, чтобы я не звонил ей по какому-то заковыристому вопросу?

– Ладно-ладно, Зиновий Моисеевич, сейчас речь не обо мне... Вот эта молодая особа – из скандинавской редакции самого крупного нашего агентства... Вы «Русалочку» давно перечитывали? Вижу, что с детства не доводилось... Поинтересуйтесь специально: последний перевод Андерсена делала Полина. Вот так-то, голубчик.

– Боже мой! Непременно все посмотрю... А вы слышали, что на моего партийца опять пошла мода? Пусть не напрямую, через жену, «стальную леди подмостков», но телевидение уже дважды за полгода записывало меня... Как несправедливо и безжалостно время, как переменчивы люди!

– Милый мой, – сказала Татьяна Ивановна, – перечитайте «Короля Лира»... Ну, нам пора.

– Рада знакомству, – почему-то безотчетно тепло прого-

ворила Полина. – Присоединяйтесь к нашим путешествиям по выходным дням...

– А что? Это мысль... Так бывает тяжело одному, особенно в праздники, даже на даче...

И Полина почувствовала, насколько одинок этот человек. Ей, может быть, впервые за последние годы не хотелось прерывать этого знакомства:

– Все равно записать сейчас номер не удастся... У Татьяны Ивановны есть мой номер телефона. Звоните, если нахлынет тоска... Втянем вас в свою команду.

– Непременно! Если вы разрешаете, я обязательно позволю... Простите, что идя за саженцами, не взял с собой визиток. Где-то в костюме остались...

– А у меня и нет их, – с какой-то дерзостью сказала Полина. – Зато никто не мешает работе...

– Полина часто работает дома, даже ночью, – пояснила Татьяна Ивановна, не без намека.

– Конечно-конечно... Я предварительно буду спрашивать, как вы заняты?

– Зиновий Моисеевич, ну, как так можно? У нас никогда не было секретарш, даже когда покойный муж был членом Правления агентства.

– Да-да, я все понял, простите. Господи, что я мелю? Татьяна Ивановна, помогите мне, пожалуйста, собрать саженцы и прогоните меня! А то я опять, что-нибудь ляпну...

Они втроем собрали с земли десятка полтора саженцев,

которые хозяин, как выяснилось, купил для нескольких соседских участков, заодно, коль поехал на ВДНХ. И дали торжественную клятву созвониться в самое ближайшее время.

Оставшись вдвоем, Татьяна Ивановна сказала:

– Вот удел одинокого человека... Даже пуговицу пришить некому... Его жена не могла иметь детей. И она, и он это прекрасно знали и все-таки поженились. И случилось чудо: Господь дал им ребенка – мальчика. Но мама умерла через несколько лет. 20 с лишним лет он без жены, один воспитал сына, прекрасно его образовал. У Зиновия Моисеевича в Ленинграде живет мама. Но она занята с внуками – детьми еще двоих ее сыновей. Она считает, что им она нужнее. Нет, все правильно. Ему одному проще выкрутиться, наконец...

– Мы с ним обязательно созвонимся, – сказала Полина и стала раскладывать саженцы акации и крыжовника на две кучки.

...Скрипнула входная дверь в комнате Галины: это ее новый сожитель – инженер ДЭЗовской фирмы по вывозу мусора прошел в ванную комнату. Полина старалась не замечать в квартире посторонних людей: старшая дочь, в конце концов, имеет право на жилплощадь. Гражданский муж дочери, родом откуда-то с Кавказа, замотанный в мохнатый, цвета ядовитого баклажана, халат, прошел на кухню.

– Доброе утро, Полина Степановна, – приветствовал ее маленький человечек, у которого, казалось, черные волосы растут даже на ладонях рук.

– Здравствуйте... Простите, вы не скажите ли мне: надолго у нас обосновались?

– А что-нибудь не так? Мы с Галиной собираемся пожениться...

– А где вы собираетесь жить?

– Если здесь нельзя, будем комнату снимать... У меня на большее пока нет денег. Но я раскручусь, накоплю... Мы не только квартиру будем снимать, мы собственную квартиру купим...

– У вас есть семья, мама, папа, еще кто-нибудь?

– Не волнуйтесь, жены у меня нет. Я младше Галины на шесть лет. Но я уже главный инженер фирмы по уборке мусора. Год-два, и я в муниципалитет или в управу переберусь. К этому времени закончу институт...

– Какой?

– Какая разница! Там, у себя... Это проще – простого...

– Вы хоть знаете, чем, по диплому, должна заниматься Галина?

– Что-то с искусством связано... Но ей не нравится все это! Ей нравится рисовать, лепить из пластилина... Вот чудачка...

– Но она не получает зарплаты, вы это знаете?

– Главное, чтобы ей нравилось! А деньги должен муж зарабатывать!

– То бишь вы?

– Ну, я еще не муж... Но деньги я зарабатываю.

– А как вы относитесь к ее творчеству?

– Честно говоря, все это – пустое занятие... Вот я ей сказал: давай ткать ковры. У нас в республике их с руками оторвут... А она обиделась, назвала меня нехорошим словом и сказала, чтобы я больше никуда, кроме ее кровати, не лез...

– Боже мой, Господи Праведный... Что творится с моей дочерью?

– Полина Степановна, мне уже надо просто пить кофе и бежать на работу... Я опаздываю!

– Да, конечно, вы сегодня заслужили кофе. Сейчас, через минуту, он будет готов. Идите одевайтесь пока. – И он пошел, еще плотнее запахнув полы своего лохматого халата. Полина принялась варить полную турку кофе.

Глава четвертая

– Вы одна ручей не закрыли! Умная какая... – Солидный дядька сидел на противоположном берегу приятно журчащего ручья и пытался воспитывать Полину. – Смотрите: слева, справа – все заложили ручей в трубу... Проблем нет. Никакие водоводы и смерчи не страшны нам! А вы? У вас даже просто в большой дождь – море разливанное образуется... Лягушек опять же развели, они всю ночь квакают, спать не дают...

Полина сидела в шезлонге на берегу своего импровизированного пруда и старалась не замечать назойливого соседа. Она, честно говоря, даже и не разглядела его. «Плевать, – думала она, – этот пруд захотел и сделал Паша. И я его сохранию, чего бы мне это ни стоило...».

– Мы поднимем общественность, – продолжал мужчина. – Вы не уважаете коллектив! С вами, в конце – концов, разговаривает председатель садового товарищества, генерал-майор запаса...

– Что, пора на спевку идти? – Как ни в чем ни бывало спросила Полина.

– Какую спевку? – В недоумении спросил он. – Мы хор не создавали... Вот вы бы и взялись, коль умеете... Всё польза была бы от вас...

С горушки сбегала Любаша: во вьетнамках, в мини-шор-

тах и в лифчике без бретелек. И сразу:

– Что за шум, а драки нет! Семен Семенович! Разве так ухаживают за дамами? У меня мама – бальзаковского возраста... К ней особый подход нужен.

– Развели лягушек, понимаешь... А мне товарищи шею перепилили, – уже совсем миролюбиво проворчал отставной генерал.

– А вы сгорели, товарищ генерал! – Бодро проговорила Любаша. – Переходите на нашу сторону, и я вам спину смажу кремом... Это даже приятно.

– А что можно? Мама не будет ругаться?

– Когда она увлечена интересной книгой, она ничего не замечает...

Генерал закатал штанины и побрел по воде. Полина оторвалась от книги и сказала:

– У берега живет черепаха... Будьте аккуратны.

Любаша к моменту прихода генерала на чужой, их берег, раскатала метровый коврик, выставила на нем бутылку колы, пакетик печенья, кулек семечек. Все эти яства ждали Семена Семеновича, не так давно вышедшего с военной службы на пенсию. Ему всего-то и было чуть больше 50 лет. Он, наверное, был хороший генерал, если в 40 с небольшим – стал им. И, наверное, он не мог больше служить без жены, которая умерла при загадочных обстоятельствах. Его тошнило от того военного гарнизона, где она была радиационным медиком и погибла во время ЧП на одном из секретных объ-

ектов. Короче, он не мог больше находиться в этом забытым Богом северном городишке... А пить он не научился: в его семье, кроме бабушки, вообще никто не пил водки.

Ему нравилась юная соседка – подвижная, стройная, боевая. Вот и сейчас она без всяких глупых стеснений, тихонько выдувая из сложенных трубочкой губ воздух, обдирала с генерала лоскутами коричневато-рыжую кожу.

– Чем будете расплачиваться? – Шутила девушка.

– А я сейчас, мигом. У меня все в холодильнике есть, холодненькое... Даже пиво чешское... – И он помчался на другой берег.

– Это еще что такое? – Оторвалась от книги Полина.

– Ма, не тупи, – сказала шепотом Любаша. – Генерал решил приударить за тобой... А ты – как фурия. Назови мне хотя бы одного соседа с противоположной стороны ручья по имени?

– А мне это ни к чему!

Через некоторое время генерал уже переходил ручей с огромной бельевой корзиной, доверху набитой продуктами.

– Полина Степановна! Не ругайтесь... Давайте за знакомство устроим маленький пикник... Кроме пива здесь ничего крамольного. Так, закуски, овощи и фрукты. Земляки вчера заезжали, привезли на целый взвод... Умоляю! Любаша, помогайте.

– Вот как, уже Любаша?

– Ма, не трюнди... Семен Семенович от чистого сердца. А ты хочешь обидеть человека?

– Да, именно, от чистого сердца... Тем более, сейчас не выходной, народу почти никого нет в округе...

– Да и вообще, кому какое дело до того, что мы делаем на своей суверенной территории?! – Это Любаша вставила.

– Без распоясывания! – Пригрозила Полина. – Крикни Галину.

Это она попросила Любашу.

Галина не шла, а плыла в своем китайском халате. Она ростом – ниже Любаша, едва дотягивала матери до носа. Но фигура у нее – классическая: Монро в миниатюре. Генерал чуточку «припух» от такой схожести с великой американкой. Но быстро пришел в себя: ему русские, высокие и стройные Любаша нравились больше. К одному коврику пришлось подстелить плотную скатерть, потому что корзина генерала оказалась бездонной. Сначала оттуда достали ананас и еще какие-то экзотические плоды, похожие на наши мелкие арбузы. Потом пошли помидоры, огурцы, редис, лук... Визжа и отпрыгивая от корзины, девчонки пытались помочь генералу вытащить раков: не меньше десятка их было уложено на траву. Они, живые, расплзались по траве то бочком, то задом.

– Семен Семенович, давайте запустим в ручей пару раков. А вдруг они приживутся? – Спросила Любаша.

– Во-первых, ручей мелок и зимой промерзает до земли

и глубже. Во-вторых, если узнают соседи, они меня линчуют...

– Тогда давайте их варить и есть, а то они сами разбегутся и добредут до воды... У них нюх на воду особый, – Это свои познания в зоологии высказала Галина.

– Кстати, Галка, а что это ты не познакомишься с генералом? – Не без ехидства спросила Любаша.

– А мы, вообще-то, знакомы, на одном пруду несколько раз сидели. Правда, не разговаривали. Меня зовут Галина.

– А я Семен... Все, правда, зовут меня Семен Семеныч. Как председателя товарищества садоводов.

И вот, наконец, из корзины полезли бутылки настоящего чешского пива, холоднющие, всю ночь простоявшие в холодильнике...

– А это особый сюрприз от моей бабушки, – торжественно произнес Семен Семенович. – Называется домашняя настойка...

– Вот этого-то нам и не хватало, – проговорила Полина, не отрываясь от книги. – Ты на выставку идешь, Галина?

– Мама, это – послезавтра...

– Люб, а как с занятиями, скоро экзамен?

– Через три дня, ма! – Любаша вроде бы даже обиделась на мать за такой вездесущий контроль.

– Тогда, Семен Семенович, поухаживайте за дамами..., – сказала Полина. Любка пулей сбегала в дом, принесла четыре хрустальных стопочки, хлеб, нож и вилки. Семен Семен-

нович колдовал над армейской, правда, наверное, все-таки генеральской, сверкающей никелем, флягой. Наконец, он ее открыл и по рюмочкам потекла розовая, крепко пахнувшая клубникой, жидкость.

– Обязательно по дольке лимона, – почти закричал генерал. – Иначе весь букет пропадет.

Благо и лимон был в корзине, порезали и его. Сказали здравицу гостеприимной хозяйке дачи, пожелали ей сто лет и выпили... Генерал, Люба и Галина махнули эти 40 граммов, не заметив, что выпили. А Полина решила распробовать. Первым делом, она поперхнулась от крепости напитка. Хотя вкус приятный – свежая клубника. Она лизнула лимон, перебила крепость и почти успокоилась. Второй глоток она повременила делать, смотрела на своих дочерей. Любовь буквально через минуту-две была уже в подпитии. Галина, та – постарше, держалась. Но ехидная улыбочка не сходила с ее губ. Генерал готов налить по второй рюмке и всем предлагает есть все подряд, на любой вкус.

Полина наклонилась к Семену Семеновичу и спросила его почти в самое ухо:

– Вы чем это нас спаиваете?

– Никак нет! Бабушка всегда делает нам в дорогу...

– А что там?

– Ничего страшного: чистейший спирт... настоян на клубнике. И еще чего-то полезного добавлено... Хочешь для профилактики здоровья, хочешь для застолья.

Полина не выдержала, буквально расхохоталась. Дочери в недоумении смотрели на мать.

– Сейчас, через пару рюмок, вы у меня в ручей полезете купаться... Это же чистый спирт с добавками...

– И что такого?! – С вызовом бросила Галина. – Я пила чистый спирт с художниками. Прелесть! Голова не болит...

– Очнись!! С тобой рядом ребенок! – Не выдержала, повысив голос, Полина. – Семен Семенович, вы как пожелаете, а нам, как говорят, «спасибо за угощение»...

– А я тоже не пью водку... Но это же бабушкина настойка... Немножко-то можно.

– А давайте пиво пить! – Заорала Любовь. – Настоящее, чешское! И раки уже сварились...

Тут Полина, чтобы предотвратить большую беду, промолчала. Засиделись с пивом и раками почти на два часа. Любовь все равно развезло, пришлось укладывать ее в тенечек, на переносную перину. Галина оказалась крепким орешком: она с генералом еще пару рюмок выпила настойки, а потом уже принялась за пиво с раками. Держалась она молодцом. За неимением объекта обожания молодой генерал стал ухаживать за старшей дочерью Полины.

«Господи, – молилась Полина, – приворожи этого лампасного генерала к дочке моей, Галине. Ведь хорошая девочка... Но может пропасть... Тут бы не заскучала, рожала бы ему через год детишек. И я бы при деле была. Клянусь! Не брошу ее, буду всегда рядом!».

Песни запел генерал, громко и как-то по-военному, словно через трубу проходил через его горло звук. Полина показала на спящую Любовь, предмет его обожания, и он тут же умолк. Стали говорить за жизнь. Галина делала пасы в сторону генерала. То рукой дотронется до его руки, то, при смехе, плечом прижмется к нему. Полина понимала, что не лежит у Семена душа к Галине... Тут уж ничего не поделаешь!

– Ребятки, вы бы отнесли все в дом да, заодно, и посуду бы сполоснули, – так, между делом, сказала Полина, не отрывая головы от книги.

– Этт-то мы мигом, – расфрантился генерал, стал в ту же корзину собирать посуду и недоеденные овощи и фрукты. Галина взялась активно помогать ему.

Их не было около часа, хотя в доме еще от мужа оставался прекрасный водопровод с горячей и холодной водой. Но Полина сидела и читала: дочери под 30 лет, та сама не раз подчеркивала, чтобы мать не лезла в ее дела. Вернулись они к ручью окружным путем, как будто прошли краешком березовой рощи, с тыла прикрывающей дачу Полины. Корзина – пуста: Семен все свои подарки оставил в доме. Он явно смущен, пытается что-то смешное рассказать из военной жизни, получается не смешно, а, наоборот, грустно. Потом он долго благодарит Полину за гостеприимство, за то, что у нее такие прекрасные девочки. И вот главное: «Он так рад знакомству с Галиной...»

– А мы вот тут решили, что сегодня еще успеем съез-

дить в город, на вечерний сеанс в кино... Если уж опоздаем на электричку, то позвоним, чтобы вы не беспокоились... – сказал генерал.

– А я часто работаю по ночам, когда готовим выставки, – сказала Галина. – Так что мама к моим отлучкам привыкла. А сегодня вот день абсолютно свободный! Можем же мы, как белые люди, сходить в кино? Тысячу лет не была...

– Галина Павловна, мне форму надеть или цивильный костюм?

– Ночи еще холодные, – сказала как бы между прочим Галина. – Я бы мундир надела.

– Пять минут, по-военному! И я буду готов!

Полина внимательнейшим образом посмотрела на Галину и все поняла без слов. Галина надела свое лучшее платье с мятым шарфиком, модные туфли на высоченных каблуках, сумочка отливала матовой крокодиловой кожей.

– Мы будем у него в подмосковной квартире... Это в Подольске, если я правильно поняла.

В это время проснулась Любаша и с места в карьер:

– Кто, куда собирается? И я хочу в город... В Подольск...

– Так, красавица моя, ты сейчас примешь душ, хорошенько покушаешь, а потом мы посмотрим, куда мы тебя отправим, – серьезным голосом сказала Полина.

Любаша захныкала, снова повалилась на перину и вроде бы даже снова уснула.

А молодой генерал и Галина бережком ручья дошли

до мостков и там их руки соединились. Это еще успела разглядеть Полина.

Глава пятая

Любаша за секунду вскочила на свои длинные стройные ноги. И первый вопрос:

– Галка увела у меня генерала?!

– Надо меньше спать, – сказала Полина.

– Ма, ну это честно?

– По отношению к старшей сестре – даже очень честно...

– Ну, хорошо... Ма, ты меня сегодня отпускаешь в общежитие?... Я с девчонками прохожу полкниги и утром возвращаюсь к тебе отсыпаться.

– Надеюсь, это воспринято тобой не как компенсация за упущенного генерала? – Особо подчеркнуто проговорила Полина.

– Ма, это пошло... Он старик. Ему – за 50!

– Тогда будем считать, что мы договорились... Кстати, автобус на Москву пойдет через... 18 минут. Поторопись! Мне бы не хотелось, чтобы ты моталась на электричках.

– Есть, ваше благородие... Нищему собраться, что подпоясаться!

Есть такое понятие – турист по природе: сунул ноги в кроссовки, поменял майку на свежую, провел расческой туда-сюда по волосам, рюкзачок за спину забросил и можно в путь. Вот и Любаша то ли в силу своей молодости, то ли в силу природной стройности и практически идеальной про-

порциональности частей ее юного тела, все подходило как к модели. Переодевшись буквально за минуту, она подбежала к матери, поцеловала ее в лоб, успела выклянчить немного денег и вихрем помчалась на конечную остановку автобуса.

«Опять я одна, – подумала Полина, но тут же постаралась прогнать эту мысль. – Если за все надо платить, то я отделеваюсь слишком легко. Любаша меня точно любит. Галина – не поймешь: если презирает, то не пойму за что. За свои неудачи? Ну, нет божьего дара, не лезь в художники, служи критиком, не выпендривайся... Сколько людей так живут да еще и свои кружки и даже школы держат? Или неудачи в личной жизни на меня хочет повесить: слишком требовательна я была в свое время? Режим, экзамены, вуз – все под контролем. Ну, а как же по-другому?...

Не ври, Полина, не лицемерь. Ведь ты предполагала, что ее жизнь может именно так пойти? Да, почти уверена была в этом. Почему мальчика-еврея отпихнула? Почему никуда ее не отпускала: ни на этюды летом, ни на практику в художественную школу. Закрывались какими-то дурацкими справками... Ну, и чего добилась? Если не изменяет память... генерал у нее, пожалуй, седьмой будет. А что вы скажете инженеру из ДЭЗа? А вдруг с генералом все же что-то получится? Но никто не верит в это, и ты, в первую очередь. Ну, а все-таки, представь на секунду? Не можешь? Вот так-то! А теперь я сама себе могу сказать: «Пошла по рукам, Галка. Господи! Стыдно-то как...».

Полина заплакала, отшвырнула книгу: она чувствовала, как кровь подступает к рукам, что пройдет еще минута-другая и нестерпимый зуд начнет терзать ее. Она встала с шезлонга, быстро пошла, почти побежала в дом. Сорвала с себя одежду, выхватила из аптечки большой пластмассовый пузырек и стала натирать его содержимым руки, плечи, низ живота, ноги. На этот раз она успела предотвратить разрастающийся по всему телу нестерпимый зуд. Легла голая на диван, прикрыла полотенцем лицо и затихла.

Помогали и другие рецептурные средства, но они остались в Москве... «В общем, в психушку пора тебе, старая кляча», – думала Полина. Ей стало так жалко себя, что слезы снова сами по себе побежали из глаз. Она не останавливала их. В них было все: и неудовлетворенность собой, семейными отношениями, и ненасытность и желания пока еще сильного тела... И не затихающая боль по погибшему мужу... И неустроенность девчонок, особенно старшей дочери... И глупость ситуации, когда профессиональный редактор с тремя языками торгует бытовой парфюмерией...

Ее рука, гладившая тело, опустилась ниже живота... Она тихо постанывала, несколько раз вскрикнула и затихла. Во сне ей снилось, что она спит... Вдруг к ней прорвался чей-то далекий и знакомый голос:

– Полина, Галина, Любаша! Да, где вы? Я к вам, понимаешь, в гости, а найти никого не могу.

– Минуточку! – Полина вскочила с дивана и стала искать

халат. Подняла его с пола, быстро надела, а сама думает: «Кого это, черт, принес на ночь глядя?» В комнату ввалился старый приятель мужа, бывший собкор агентства по арабским странам Тимур Сайфуллин. Он из каждой командировки привозил Павлу какие-то копеечные безделушки. Правда, иногда и раскошеливался: в их московской квартире висело несколько черных африканских масок, куда-то в ящики финской стенки Полина запрятала два красивых, украшенных серебром и золотом, кривых алжирских кинжала. Она боялась их и, чем старше становилась, тем дальше прятала это страшное оружие.

– А я проведать, как соседи... У меня поручение от Флюры. Моих-то здесь никого нет. Приедут только послезавтра. А вы, знаю, всей семьей отдыхаете... Вот кое-что привез... От Флюры приветы и персональные гостинцы.

Полина проговорила следом, видимо, в сердцах:

– А моих-то черти сдули одним ветром... Любовь к девушкам в Москву уехала, скоро экзамены. Галина с генералом в кино ушли... Если успеют на последнюю электричку, хорошо...

– Ба, какая прелесть! Не надо два ужина готовить... Давай накрывай стол. Буду тебя как принцессу татарскими яствами угощать!

– Нет, Тимур, день такой был тяжелый..., – как можно тверже сказала Полина. – Ты поешь один, у себя. А я лягу пораньше спать... Да и голова разболелась некстати...

– Женщина! Тебя бы у нас на Востоке вообще никто не спросил, ты при себе держала бы свое мнение. А я еще даю тебе право говорить... Да если моя Флюра узнает, что я не угостил тебя пловом, чак-чаком... Да, она убьет меня!

Делать нечего: Полина достает, Слава Богу, помытую дочерью и генералом посуду, расставляет на столе. Из холодильника пригодились остатки генеральской зелени. На столе снова появилась бельевая корзина, только теперь она принадлежала Тимуру. Все расставили, стали есть плов. Да, действительно, Флюра – искусница, Полина так бы не смогла приготовить.

– А вот теперь, после плова, не грех и рюмочку пропустить... – И Тимур, как фокусник, прямо со дна корзины достал бутылку финской наливки – «Клюковка». Сам принес из серванта рюмки, налил их с краями, поставил чак-чак, еще какие-то сладости.

– Ну, дорогая подруга моя, за Павлушу! За нашу дружбу, за вашу любовь (мы же все видели). По полной и на боковую...

– В смысле?! Ты давай к себе иди... О Флюре помни.

– А я помню... Помню! У меня пятеро детей. И, слава Аллаху, все обуты – одеты! И Флюра меня любит, и тебя любит и помнит о тебе... – Помолчали. Потом без тоста, механически, как говорят, чокнулись, стекло даже не издало звона. Но напиток – приятный, кисловатый и бодрящий.

– Понравилось? – Спросил Тимур. – Я очень люблю фин-

скую наливку...

– Не наливай больше... И почему с краями? Звона стекла даже не слышно?

Закусили, посидели, разговор не клеился. Тимур улучшил минуту, когда Полина зазевалась, и налил по второй рюмке. Полина, на удивление, выпила и вторую рюмку. «Эх, будь, что будет, – подумала она. – Ведь это друг Павлика»...

Тимур встал, решительно подошел к выключателю и, хотя было уже темно, вырубил горящий свет. Не спеша, раздеваясь на ходу, он вернулся к дивану.

– Давай разберем диван, а то неудобно спать будет?

Полина промолчала, поднялась с дивана, прошла в душевую комнату. Когда вернулась, Тимур уже лежал на приготовленной им постели.

Сказала, не глядя на него:

– Сходи в душ...

Полина налила себе еще полрюмки бордового цвета жидкости и одним глотком выпила. Она была абсолютно трезва, знала, что после этой ночи она уже больше никогда не увидится с Тимуром, что прогонит его, не дожидаясь утра, и что завтра, рано-рано, с рассветом, она сядет в свою уже старенькую «Волгу» и поедет прямо в Москву, к Любаше. Она знала, что та дома, в квартире. И даже предполагала, с кем она там находится.

...Полине сначала было как-то неуютно. Но потом Тимур приноровился, да и она решила помочь ему. Он стал ровно,

как машина, дышать... Все остальное было, словно в бреду. Они вставали, ходили в душ, снова ложились в постель, пододвинули стол к дивану, снова пили наливку, что-то ели... Как мог немолодой уже человек – Тимур – выдержать такие нагрузки, для Полины осталось загадкой...

Обессиленная Полина так крепко уснула, что проспала и раннее утро, и восход солнца и, если бы к соседу не привезли машину щебенки, она бы точно проспала еще несколько часов. После душа она, конечно же, не прогнала Тимура, накормила его яичницей, собрала все, что оставалось съестного на столе в его бельевую корзину и попросила только об одном: прудом или по ручью до его дачи не ходить! Лучше идти по забору с заходом в березовую рощу.

Тимур весело так посмотрел на нее и сказал:

– Не волнуйся! Своих не сдаем. А Флюре – надо подучиться...

Через полчаса Полина уже ехала в Москву. Но заезжать домой ей не хотелось: этим визитом Любашу не спасешь... Да и человек-то она уже совсем взрослый.

Глава шестая

Пробовали ехать из Заокска хотя бы до Углича? Лучше – через третье (бетонное) кольцо. К тому завелся этот разговор, чтобы показать, как меняется не только природа, но и сам климат Подмосковья. Где-то за рекой Нерль, абсолютно непохожую на Нерль во владимирщине, становится элементарно холоднее. Углич охраняют старые, серовато-черные ели. Такого леса даже в самом дальнем приближении не увидишь на Симферополке...

Об этом думала Полина, ехавшая на «Волге» в Углич, приоткрыв водительское окно машины. Потом – ползла. Дорога на участке Тверской области настолько безобразна, что водители, между собой, называли ее «дорогой смерти». Около 30 километров приходилось буквально ползти на брюхе. На обочинах дороги в этот раз Полина насчитала всего двоих водителей. Зато машины-то какие: полетели подвески у красавицы «Хонды» и у ярко-красной «Ниссан». Она не слышала голосов водителей, но представляла, что они говорили в адрес молодого и продвинутого губернатора этой области. Потом – выход на Ярославскую трассу, и опять можно спокойно идти под 80—90 км. в час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.